

Между формально- правовыми нормами и реальной политикой: де-факто государства в современных международных процессах

«Первая проблема, которая возникает при изучении непризнанных государств, может быть описана как проблема “исчезающего объекта”. Неудивительно, что их сопоставляют с черными дырами во Вселенной или называют “местами, которых не существует”. И все-таки они существуют»¹.

Отметим: и не просто существуют, а серьезно влияют на региональные и мировые процессы. Самоопределение бывшего сербского автономного края Косово стало причиной не только распада Югославии, но и первого масштабного кризиса в отношениях между Россией и Западом после завершения холодной войны². Этнополитические конфликты в Абхазии и в Южной Осетии привели к тому, что в августе 2008 г. был создан прецедент признания независимости бывших автономных образований в составе союзных республик СССР. И хотя за прошедшие 14 лет кроме Москвы абхазскую и югоосетинскую независимость признало лишь несколько стран Латинской Америки, Ближнего Востока и Океании, был нарушен принцип *uti possidetis juris*, который в 1991 г. лег в основу определения межгосударственных границ после распада Советского Союза³. Для сравнения – Турецкую Республику Северного Кипра (ТРСК)⁴ не признало ни одно государство, кроме Турции, начиная с 1983 г. Однако его существование в своем нынешнем виде является серьезно влияющим на динамику отношений в Средиземноморье фактором⁵.

1 Добронравин, Н.А. Непризнанные государства в «серой зоне» мировой политики: основы выживания и правила суверенизации. – СПб.: Европейский университет, 2011. – 56 с.

2 Кандель, П.Е. Юбилей независимости Косово: итоги и перспективы // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. – 2018. – №1. – С. 91–98.

3 Маркедонов, С.М. Де-факто государства постсоветского пространства: траектории борьбы за суверенитет // Мировая экономика и международные отношения. – 2021. Т. 65. – №12. – С. 79–89.

4 Россия, в соответствии с резолюциями Совета Безопасности ООН 541 (1983) и 550 (1984), уважает суверенитет, независимость, территориальную целостность Республики Кипр, что исключает официальное признание «Турецкой республики северного Кипра» («ТРСК»).

5 Kyris, George. “Sovereignty and Engagement without Recognition: Explaining the Failure of Conflict Resolution in Cyprus.” *Ethno-politics* 17, no. 4 (2018): 426–442.

Еще не наступило время для беспристрастного анализа истоков конфликта в Донбассе. Однако уже сейчас можно сделать вывод, что провал в реализации Минских соглашений, а также неготовность Киева (и поддерживающего его Запада) к прямому диалогу с самопровозглашенными Народными Республиками стали хотя и не единственными, но важными причинами военной эскалации Украинского кризиса в феврале 2022 г.¹

По справедливому замечанию британского журналиста и политолога Томаса де Ваала, «быть руководителем непризнанного государства – незавидная работа... Это означает, что никто не приглашает тебя на международные встречи. Организация Объединенных Наций не отвечает на твои письма. Когда ты посещаешь иностранное посольство, тебя принимает не посол, а первый секретарь»². Более того, законодательство непризнанных республик, а также вся договорно-правовая база, не говоря уже о паспортах их граждан, юридически ничтожны для внешнего мира. Любой гражданин, хотя бы единожды посетивший де-факто образование, может оказаться в «черных списках» нежелательных персон для посещения государств-членов ООН. Добавим к этому постоянные риски проведения «антисепаратистских» и «контртеррористических» операций со стороны материнских государств, рассматривающих де-факто республики как временный казус их территориальной целостности.

Не только личные амбиции деятелей непризнанных субъектов, но и наличие у них ресурса народной поддержки превращает их власть в значимый ресурс во взаимодействии с представителями материнского государства. Ведь для появления любого «государства, которого нет» необходимо наличие граждан, готовых к тому, чтобы их, а не только территорию, на которой они проживают, считали непризнанными. А они, в свою очередь, были бы готовы терпеть лишения и жертвовать собой ради победы дела, которое считают правым.

Де-факто государства – феномен, несводимый к общему знаменателю. Они представляют интерес как пространства конфликтов, сопровождавших распад полиэтнических империй, федераций, процессы деколонизации. И, как правило, рано или поздно в этих конфликтах происходит поворот «от этнополитики к геополитике»³. Но было бы неверно видеть в них только пространство противостояний центра и сепаратистской окраины или великих держав. Не менее важно рассмотрение внутренней динамики в «несуществующих политиях» (выборы, демократизация, социально-экономическое развитие, «политика памяти» и нациестроительство)⁴.

Существование непризнанных и частично признанных республик ставит вопрос о коллизиях права и политики. Почему, в самом деле, одни и те же игроки выступают в разных ситуациях и как сторонники этнического самоопределения, и как защитники сохранения территориальной целостности? США и их союзники были готовы поддержать самоопределение Хорватии, Словении, Косова, но в то

1 Matveeva, Anna. "Donbas: The Post-Soviet Conflict that Changed Europe." *European Politics and Society* 23, no. 3 (2022): 410–441.

2 De Waal, Thomas. *Black Garden: Armenia and Azerbaijan Trough Peace and War*. New York and London: New York University Press, 2013.

3 Kazantsev, Andrei A., Peter Rutland, Svetlana M. Medvedeva, and Ivan A. Safranchuk. "Russia's Policy in the 'Frozen Conflicts' of the Post-Soviet Space: From Ethno-Politics to Geopolitics." *Caucasus Survey* 8, no. 2 (2020): 142–162.

4 Броерс, Л. Политика непризнания и демократизация // Ресурсы примирения. 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://library.khpg.org/files/docs/1418913368.pdf> (дата обращения: 21.12.22)

же время препятствовали независимости самопровозглашенных сербских образований на территориях бывших союзных республик СФРЮ, хорватской Герцеговина в Боснии и Герцеговине или тормозили экспорт албанского ирредентизма из Приштины в Македонию. В свою очередь, Турция – гарант самоопределения ТРСК, но она не готова применить тот же алгоритм в отношениях между Арменией и непризнанной Нагорно-Карабахской Республикой. Признавшая Абхазию и Южную Осетию Москва последовательно отрицает право на независимость Косова. Налицо коллизия между правовыми нормами и национальными интересами, трудности в выработке универсальных критериев и стандартов (не)признания сецессии или территориальной целостности¹. И сколько будут существовать де-факто образования, столько указанные коллизии и будут возникать, лишь подкрепляя споры о «двойных стандартах», селективном правоприменении и возможностях для внешнего вмешательства в этнополитический конфликт либо под предлогом «гуманитарной интервенции», либо ради «принуждения к миру».

Четвертый номер журнала «Международная аналитика» посвящен феномену де-факто образований. Внимание авторов сосредоточено на внутренних и внешних факторах, влияющих на появление «несуществующих политий» и определяющих их роль в современной международной политике.

В интервью известного британского эксперта Лоуренса Броерса рассматриваются различные объяснительные модели генезиса непризнанных и частично признанных образований. По его словам, «исследование де-факто государственности – это, по сути, изучение аномалий в гегемонистской системе государственного суверенитета, которые последовали за глобальной деколонизацией». Броерс отмечает двойственность де-факто образований, которые, с одной стороны, «подрывают суверенную государственную систему», но, с другой, «копируют ее формы в своем стремлении стать полностью признанными членами той самой системы, правила которой они нарушают».

Алексей Токарев проводит сравнительный анализ постсоветских сецессий. Автор показывает, что далеко не каждая сецессия завершается созданием де-факто государства. С его точки зрения, ни один из основных факторов сецессии (географический, исторический, политический, социологический, культурный, лингвистический, военный) не повторяется в различных постсоветских кейсах за все время после распада СССР.

Тексты Анны Айвазян, Хельге Блакисруда и Пола Колсто обращаются к смежным темам. Если в первом случае речь идет о политике материнских государств постсоветского пространства, нацеленных на минимизацию международной легитимации отколовшихся от них сецессионистских образований, то во втором авторы показывают эволюцию западного дискурса «вовлечение без признания», то есть попытку найти срединную линию между полным блокированием «несуществующих политий» и поддержкой их самоопределения.

Впрочем, де-факто государственность – феномен, который не ограничивается географическими границами одного лишь бывшего Советского Союза. В статье

1 Маркедонов С.М., Окунев И.Ю. Целостность и самоопределение государств в мире проблемной суверенности // *Quaestio Rossica*. – 2020. – Т. 8. – № 4. – С. 1422–1436.

Яны Лексютиной рассматривается стратегия и тактика внешней политики Тайваня на фоне обострения его противоречий с КНР. По мнению автора, Пекин в последние годы преуспел в деле ограничения пространства для маневра Тайбэя на международной арене. И в этих условиях тайваньские лидеры пытаются найти себе новых союзников, делая акцент не только и не столько на геополитические аспекты, сколько на ценности и экономико-технологическую привлекательность.

Сергей Демиденко и Роман Файншмидт обращаются к курдскому вопросу. На сегодняшний день курды являются самым крупным народом мира, не имеющим собственного государства. При этом его представители создали де-факто образования на территориях сразу нескольких стран Ближнего Востока. В статье рассматривается идеологическая борьба в международном курдском движении. Авторы анализируют коллизии между левыми доктринами и исламистской концепцией халифата.

Кейс Северного Кипра исследуется в статье Мухиттина Озсаглама. Автор прослеживает траекторию эволюции внешнеполитической стратегии ТРСК. По его мнению, на первом этапе Республика, хотя и провозгласила формально свою независимость, как минимум до 2020 г. стремилась к объединению Кипра на федералистской основе. Однако с приходом к власти пятого президента ТРСК Эрсина Татара ситуация поменялась. Основными причинами такого поворота Озсаглам видит дефицит кооперации между Северным Кипром и Евросоюзом, бескомпромиссную позицию Никосии, а также поддержку со стороны Анкары.

Обзорная статья Кимитаки Мацузато формально не связана с темой де-факто государств, автор обращается к особенностям российского экспертного дискурса о конфликте в Сирии. Тем не менее затяжное противостояние в этой ближневосточной стране напрямую связано с попытками создания отдельных политий, не получивших широкого международного признания. Автор рассматривает проблему Сирии в контексте российской экспертной критики однополярного мира, что косвенно также относится к центральной теме номера. Эрозия монополярности – это, среди прочего, отказ от универсальности стандартов, предлагаемых мировым гегемоном, в том числе и к кейсам различных де-факто образований.

Таким образом, де-факто государства, живущие без широкого международного признания, представляют собой важный элемент современных политических трансформаций. Их повышенная роль в сегодняшней международной политике объясняется незавершенностью формирования нового глобального миропорядка. На фоне эрозии Ялтинско-Потсдамской системы мир прошел через попытки однополярной гегемонии к «бесполюсности»¹. Контуры многополярного мира сегодня лишь проступают, а значит, правила игры на международной арене будут уточняться, а правила (не)признания сецессии, территориальной целостности и реинтеграции отколовшихся территорий осмысливаться и трансформироваться. Следовательно, появятся новые поводы для обращения к феномену формально не существующих, но развивающихся де-факто образований.

Сергей Маркедонов, главный редактор

1 Haass, Richard N. "The Age of Nonpolarity: What Will Follow U.S. Dominance." *Foreign Affairs* 87, no. 3 (2008): 44–56. <http://www.jstor.org/stable/20032650>.